Важно при этом отметить, что и само это произведение, как и вся композиция второй редакции Хронографа, идет по пути той же секуляризации исторической литературы. В нем нет ссылок на священное писание, нет религиозного объяснения событий. Автор не приписывает „Смуту" наказанию божию за грехи всех русских людей, как другие сочинители исторических произведений первой половины XVII в.

Этот светский дух пронизывает собою и всю систему характеристик деятелей русской истории. Перед нами в Хронографе второй редакции действительно „система" характеристик: теоретически изложенная в кратких, но чрезвычайно значительных сентенциях, и практически примененная в изображении действующих лиц „Смуты". Эта „система" противостоит средневековой, она подвергает сомнению основные принципы агиографического стиля. В ней нет резкого противопоставления добрых и злых, грешных и безгрешных, нет строгого осуждения грешников, нет „абсолютизации" человеческого характера, столь свойственной идеалистической системе мировоззрения средневековья.

Человеческий характер объявляется автором второй редакции Хронографа сотканным из противоречий, сложным, в известной мере „относительным", соотнесенным со средой, условиями жизни, особенностями биографического порядка. „Не бывает же убо никто от земнородных безпорочен в житии своем",[1] объявляет автор Хронографа. „Но убо да никто же похвалится чист быти от сети неприязньственаго злокозньствия врага",[2] повторяет он. „Во всех земнородных ум человечь погрешителен есть, и от добраго нрава злыми совратен", иначе говоря, — каждый человек в той или иной степени „совращен" от „добраго нрава", данного ему при рождении. Нет, следовательно, во-первых, людей только злых или только добродетельных, и, во-вторых, человеческий характер формируется жизнью.

Живой пример такого „совращения" доброго нрава на злой — Иван Грозный. Первоначально Грозный — образец доброго, мудрого и мужественного царя: „Он же убо имый разум благообычен, и бысть зело благоумен, еще же и во бранех на сопротивныя искусен, велик бе в мужестве, и умеа на рати копием потрясати, воиничен бо бе и ратник непобедим, храбросерд же и хитр конник; той убо варварския страны аки молния борзо обтече, и вся окрестныя устраши, и прегордыя враги покори. Бысть же и во словесной премудрости ритор, естествословен, и смышлением быстроумен, доброзрачен же и благосерд в воинстве, еще же и житие благочестиво имый, и ревностью по бозе присно препоясася...".[3] Но стоило умереть Анастасии Романовой, поддерживавшей в Грозном его „добрый" от природы нрав, как характер его резко меняется, — от старого не остается и следа. Перед

---

[1] А. Попов. Изборник..., стр. 186.
[2] Там же, стр. 189.
[3] Там же.